

8. *Карский, Е. Ф.* Белорусы / Е. Ф. Карский. — Петроград : 12-я Гос. тип., 1921. — Т. III : Очерки словесности белорусского племени. — Ч. 2 : Старая западно-русская письменность.
9. *Конон, В. М.* От Ренессанса к классицизму (становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв.) / В. М. Конон. — Минск : Навука і тэхніка, 1978.
10. *Мараш, Я. Н.* Агрессия католицизма и Ватикана в Литве и Белоруссии во второй половине XVI и начале XVII веков : дис. ... канд. ист. наук : 00.07.02 / Я. Н. Мараш. — Минск, 1953.
11. *Митрошенко, И. Я.* Иезуиты в Восточной части Белоруссии с 1579 по 1772 год / И. Я. Митрошенко // Полоцко-Витебская старина. — Вып. II. — Витебск, 1912. — С. 10–34.
12. *Михневич, Д. Е.* Очерки из истории католической реакции / Д. Е. Михневич. — М. : Изд-во АН СССР, 1955.
13. *Палікоўская, Т. І.* Культурна-асветніцкая дзейнасць езуітаў на беларускіх землях у апошняй трэці XVI — 20-ыя гг. XIX стст. (стан і праблемы айчыннай гістарыяграфіі другой паловы XIX — пачатку XXI ст.): дыс. ... канд. гістар. навук : 07.00.09 / Т. І. Палікоўская. — Мінск, 2006.
14. *Самусік, А.* Дзейнасць манаскіх ордэнаў у галіне асветы на Беларусі ў XIX ст. / А. Самусік // Гісторыя: праблемы выкладання. — 1998. — № 1. — С. 37–46.
15. *Сапунов, А. П.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века / А. П. Сапунов. — Витебскъ, 1889. — С. 12–54.
16. *Харлампович, К. В.* Западно-русские православные школы XVI — начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви / К. В. Харлампович. — Казань : Типолитография Импер. ун-та, 1898.

Статья поступила в редакцию 23.12.2014 г.

Я.С. Яскевич

доктор философских наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ: ОТ КЛАССИКИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются содержательные модели современных геополитических сценариев в пространстве синергетической методологии и рискогенности современного общества. Обосновывается тезис о том, что методологический анализ геополитических сценариев и рисков следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое сообщество с учетом приоритетов национальной безопасности, суверенитета отдельных стран, ответственности за принимаемые решения на глобальном и национальном уровнях.

Substantial models of modern geopolitical scenarios in space of synergetic methodology and risks of modern society are considered. The thesis that the methodological analysis of geopolitical scenarios and risks should be carried out in the context of integration of the national states into world economic and political community taking into account priorities of national security, the sovereignty of the certain countries, responsibility for the made decisions at the global and national levels locates.

Введение

Ретроспективный взгляд на исторический процесс во всем его многообразии позволяет зафиксировать, что за очевидными межгосударственными конфликтами и противостояниями скрываются более фундаментальные, сущностные детерминанты, нарушающие состояние мирового равновесия и, как правило, приводящие к геополитическим потрясениям, перманентному хаосу и реализации трагических сценариев. Рассмотрим

содержательные модели геополитических сценариев в контексте синергетической методологии и обоснования приоритетов национальных государств в условиях глобализации и рискогенности современного общества.

Основная часть

Радикальные трансформации, характерные для современной мировой экономики, политики, социокультурного пространства, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *геополитических сценариев и рисков* с такими их угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, распада государства под воздействием внешних сил, снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [4, с. 212]. Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на первый план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования [12, с. 6–7].

В рамках парадигмы уже *классической геополитики* были выявлены закономерности, ставящие перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым взвешиваемость, рациональность и сдержанность при принятии политических решений и в рисковом поведении [14, с. 153–154]. Геополитика как наука в ее отношении к власти установила, что иногда преимущества получает тот субъект, который контролирует геостратегически ключевые точки пространства, а сила и слабость геостратегического субъекта зависят от его склонности к риску, степени его самодостаточности и умения контролировать ключевые точки. Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимые признаки самодостаточности [9, с. 63–68].

Постклассические модели геополитики расширяют проблемное поле сценариев и стратегий мирового развития, дополняя европоцентризм идеей взаимодействия (взаимозависимости, единства) современного мира в контексте глобализационных процессов. Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после «холодной войны» и развала Советского Союза будет определяться уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой) 7-8 различных цивилизаций [11, с. 33–57]. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Идеи Хантингтона относительно того, что страны тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали [1, с. 64].

Классическую геополитику не случайно называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами. Имея это в виду, образно Хантингтон подмечает, что Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, но скорее превосходством в применении организационного насилия. В противовес доктрине установления нового миропорядка и концепции «управляемого хаоса», провозглашенной Вашингтоном после трагических событий 11 сентября 2001 г., неклассическая геополитика трансформируется на современном этапе в *глобальную (цивилизационную) геополитику*. В ее основу должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии геополитических цивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от

логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества [3, с. 11–15].

Цивилизационно-антропологическая матрица постклассической геополитики формируется в ответ на региональные ритмы, являясь основой кооперативного согласованного взаимодействия социальных, политических, экономических и социокультурных институтов суперсистемы. Сегодня так называемая *Беловежская геополитическая эпоха* (1991, Post-Cold-Warera), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма и ознаменовавшая завершение «холодной войны», с претензией США на утверждение однополярного мира, должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несилевой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [5, с. 112]. Учитывая же, что именно в эпоху неустойчивости и перманентных перемен, переживаемых современным человечеством, создаются предпосылки для оказания влияния на конструкцию будущего мира, важно «вписать» в неклассическую геополитическую картину мира идеалы взаимопочтения и толерантности, согласия и сотрудничества.

Национальные интересы государства представлены достаточно фундаментально на национально-государственном уровне. Как решить проблему соотношения безопасности на мега-, макро- и микроуровнях при учете цивилизационно-культурологической динамики и общечеловеческих интересов — такого рода вопросы требуют от современных геополитических субъектов рационально-взвешенной позиции в духе идей глобальной единой мировой истории, сохранения национальной самодостаточности и согласия. Гармоничное сочетание глобального и национального особенно необходимо в условиях глобализации и перманентных рисков. В этом плане заслуживают внимания рассуждения современных аналитиков, которые подчеркивают радикальные изменения в системе международных отношений, связанные, например, с динамичным развитием Китая, порождающие своего рода «разломы» по линии Восток—Запад, актуализирующие феномен так называемой «дипломатической революции». Поводом для нее становится экономический подъем Китая, а причиной — его военное возвышение, начавшееся в последние годы [6, с. 5–18].

«Разломы» по линии Восток—Запад обнаруживают себя и в трансформации других стран. Так, модернизация Индии в первой половине XX в. осуществлялась в основном по модели западных артефактов при значительном сохранении традиционных структур, модели формирования местной буржуазии и становления демократических институтов. Однако вестернизация Индии не приводила к прерыванию традиции. Неведомые ранее индийской цивилизации формы и ценности демократии, за которые выступал конгресс, «вписывались» через архетипы национального сознания, индийское религиозно-философское наследие, в частности благодаря концепции ненасилия М. Ганди.

Панорамная картина трансформации стран Востока показывает, что *сохранение традиционных ценностей, своего образа жизни, культурных и религиозных приоритетов, несоместимых с глобализмом, массовой культурой, подвергается сегодня реальному риску*. Об этом свидетельствуют, к примеру, региональные конфликты в Корее, Вьетнаме, Афганистане (во время «холодной войны»), вооруженные интервенции США под эгидой НАТО в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии (после распада СССР), «цветные революции» и подобные сценарии смены режимов в Грузии, Кыргызстане, Украине (на постсоветском пространстве), события во время «арабской весны» (на Ближнем Востоке), в ходе протестных движений в Венесуэле, Аргентине (в Латинской Америке) и т.д. Для минимизации глобальных и локальных рисков, их регулирования

и обеспечения безопасности в обществе прежде всего важно признание, во-первых, самодостаточности и суверенитета отдельных стран, во-вторых, понимание невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [2, с. 4–9].

Рискогенные ситуации, провоцируемые на современном этапе геополитическими стратегиями США, дают импульс для построения различных моделей будущего мироустройства. Однополярному вектору мирового развития в таких моделях уже нет места. Совершенно четко это констатируется в докладе, подготовленном Национальным советом по разведке, «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры», где отмечается: «В связи с бурным ростом других государств «однополярный момент» закончился и эпоха Pax-Americana — эра американского доминирования в мировой политике, которая началась в 1945 году, — стремительно движется к своему завершению» [15]. Находясь в ситуациях неизбежного выбора своего исторического пути, многие страны вынуждены преодолевать порою проявляющуюся неопределенность, нерешительность, экономическую и политическую нестабильность и осуществлять цивилизационное вхождение в мировое экономическое и политическое пространство, ориентируясь на многовекторность национальной политики.

Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этно-религиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами национальных стратегий. Принятие адекватных времени решений, обеспечение государственной безопасности на национальном уровне нацелены на увеличение предсказуемости развития внешнеэкономических связей и гарантирование стабильности внешних операций отдельных национальных корпораций. В плане управления неизбежными рисками возникает насущная необходимость в рациональной оценке национальной экономики, потребность в построении долговременной экономической стратегии страны с учетом императивов, трендов и движущих сил эволюции мировой хозяйственной системы в глобализирующемся мире, реальных и потенциальных ресурсов трансформации национальной экономики, исходя из конъюнктуры мирового рынка, роли и места инновационной политики государства в формировании экономики знаний [13, с. 9]. В этом контексте исследователи обращают внимание и на возможные группы рисков: риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации; риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты; риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент; риск военных действий и гражданских беспорядков [8].

В современном мире возникновение и проецирование макрорисков осуществляются в контексте геостратегии ведущих стран. Так, концепция Большого Ближнего Востока, закрепленная в геостратегии 1990-х гг. Вашингтона, включает в сферы влияния богатейшие в энергетическом отношении государства Каспийского бассейна, Аравийского полуострова, Иран, Турцию, Ирак (по его периметру размещены военные базы), на экономическое и политическое развитие которых оказывается значительное влияние.

Сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденции к некоторой синхронизации международных экономических процессов обуславливают необходимость анализа сценариев развития геополитических рисков. Сегодня смещение центра силы в Азиатско-Тихоокеанский регион, конец исторического периода «по-американски» (В. Бжезинский) влекут за собой возникновение таких геополитических поворотов, которые могут угрожать безопасности большинства государств мира, отстаиванию их национальных интересов и самостоятельного существования.

В качестве причин геополитических и локальных рисков при этом заявляют о себе *экономические факторы*, связанные с тем, что причинами политических рисков могут стать отсутствие необходимых денежных ресурсов для проведения тех или иных реформ, создания развитой и стабильной экономической инфраструктуры, неликвидность государственных акций предприятий, отсутствие четкой экономической программы, прямых инвестиций в страну, непродуманная валютно-кредитная политика и т.д. Сюда относятся и *информационные факторы*, которые свидетельствуют об отсутствии четкой и полной информации о всех текущих политических процессах: недостаточность анализа политической ситуации в целом, неадекватное реагирование властей на нее, отсутствие четкого подсчета приобретений и утрат, непонимание и игнорирование интересов других участников политических действий, борьба за доминирование в информационном пространстве, кибервойны и т.д. *Социальные факторы* иницируются нестабильностью, агрессивностью и радикализмом проводимого политического курса, деятельностью отдельных политических институтов, низкой поддержкой населением проводимой политики, политическими, этническими и другими конфликтами, безработицей, тяжелым экономическим положением, наличием множества нерешенных социальных проблем и др., что может служить «детонатором» для превращения национальных рисков и конфликтов в геополитические (как это происходит в современной Украине).

В рамках построения современных рискогенных геостратегий, межцивилизационных моделей управления миром вряд ли уместны доктрины сдерживания роста мощи и влияния отдельных стран, например, Китая в Юго-Восточной Азии, выдвинутой администрацией Б. Обамы, противодействие евразийскому интеграционному процессу, деятельности БРИКС (как реализации концепции нового «шелкового» пути пяти стран — Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-африканской Республики), сценарии смены режима и гражданских войн в отдельных странах. Для анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны *различные прикладные модели*, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега-, макро- и микрориск), направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т.д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные ее последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в социально-политическом пространстве [10]. Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели исследования политических рисков. Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon). И.А. Подколзина указывает и на две финансово ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т.д. [7].

Методологический анализ современных геополитических сценариев и рисков следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое экономическое и политическое пространство, механизмы мирового разделения труда, в тесной неразрывной связи со стратегией экономической политики, развитием рыночных отношений, действием национальных правительств, а также различных политических сил как внутри страны, так и за ее пределами, оказывающих воздействие на деятельность экономических субъектов.

Выводы

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискогенного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций современной цивилизации и реализации геополитической стратегии однополярного мира, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности по предотвращению третьей мировой войны, прекращению национальных распрей, сохранению окружающей среды, преодолению отчуждения человеческой личности, ее сохранению.

Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и Востока, возможно только на пути признания целостности и взаимозависимости современного мира, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, национальную безопасность и суверенитет отдельных стран, ответственность за принимаемые решения на глобальном и национальном уровнях.

Литература

1. *Аттали, Ж.* На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — М. : Междунар. отношения, 1993.
2. *Гидденс, Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М. : Весь мир, 2004.
3. Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. — М. : МГУ, 2010.
4. *Глушченко, В. В.* Теория государства и права: системно-управленческий подход / В. В. Глушченко. — Железнодорожный : Крылья, 2000.
5. *Ильин, В. В.* Мир GLOBO: Вариант России / В. В. Ильин. — Калуга : Полиграф-Информ, 2007.
6. *Люттваг, Э.* В политике самое важное — знать, когда нужно остановиться / Э. Люттваг // Свободная мысль. — 2011. — № 3 (1622). — С. 5–18.
7. *Подколзина, И. А.* Проблемы оценки политического риска [Электронный ресурс] / И. А. Подколзина // Профессиональные ответы на вопросы профессионалов. — Режим доступа: http://consulting.ru/econs_wp_3103. — Дата доступа: 17.10.2014.
8. Политические риски [Электронный ресурс] // Управление рисками, риск-менеджмент на предприятии. — Режим доступа: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>. — Дата доступа: 17.10.2014.
9. *Семенов, В.* Геополитика как наука / В. Семенов // Власть. — 1994. — № 8. — С. 63–68.
10. *Пискунова, Н. Г.* Страновой риск и методы его оценки [Электронный ресурс] / Н. Г. Пискунова // Междунар. банк. операции. — № 2. — 2008. — Режим доступа: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm. — Дата доступа: 17.10.2014.
11. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. — 1994. — № 1. — С. 35–57.
12. *Чумаков, А. Н.* Глобальный мир: проблемы управления / А. Н. Чумаков // Век глобализации. — 2010. — № 2. — С. 3–15.
13. *Шимов, В. Н.* Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В. Н. Шимов // Социология. — 2014. — № 3. — С. 7–16.
14. *Яскевич, Я. С.* Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. — Минск : Право и экономика, 2011.
15. Global Trends 2030: Alternative Worlds [Electronic resource] // A report of U.S. National Intelligence Council. — Mode of access: <https://public.intelligence.net/global-trends-2030>. — Date of access: 17.10.2014.

Статья поступила в редакцию 12.12.2014 г.